
Глава X

ПОЧТИ ПОБЕДИТЕЛЬ: 1953—1955

Новость пришла в дом Хрущева 1 марта поздно вечером. Он был у себя на даче. Накануне — 28 февраля, в субботу, — Сталин и его «внутренний круг» проводили день как обычно: кинофильм в Кремле, затем поздний ужин на даче в Кунцеве. Гости Сталина разошлись в четыре утра: Берия и Маленков уехали на одной машине, Хрущев и Булганин — каждый на своей. Ничто, вспоминал Хрущев, не предвещало дурного: Сталин «был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой»¹.

Следующий день был выходным, однако Хрущев некоторое время ожидал, не будет ли каких-то важных телефонных звонков. Ничего не дождавшись, он наконец лег спать.

В то утро прислуга и охранники Сталина ожидали, что он встанет, как обычно, между 10 и 12 часами утра. Они заметили, что в его полутемной комнате горит свет, и ждали, что он позвонит и попросит завтрак. Звонка не было, и прислуга решила, что Сталин удовлетворился чаем из термоса, стоявшего у него в спальне. До самого вечера из комнаты не доносилось ни звука. Хотя охрана располагалась всего в нескольких шагах дальше по коридору, у них были четкие указания: без приказа вождя не беспокоить. В окнах Сталина по-прежнему горел свет. Наконец между 22 и 23 часами телохранители решили использовать поступление вечерней «почты» как предлог заглянуть к Сталину — и увидели, что он лежит на полу. Рядом валялись бутылка минеральной воды и газета «Правда». Сталин едва шевелил рукой, пытался что-то сказать — но выходило только нечленораздельное

мычание. Часы его остановились в 18.30. Очевидно, едва встав с кровати, он перенес обширный инсульт².

Охранники подняли Сталина и положили на диван. Позже его перенесли на другой диван, в гостиной. Бросились звонить министру госбезопасности Игнатьеву: тот, опасаясь брать на себя ответственность, приказал найти Маленкова и Берию. Маленков сказал, что Берию разыскать будет нелегко (по воскресеньям тот обычно проводил время с любовницей на особой вилле). Наконец перезвонил Берия. «Никому не говорите о болезни товарища Сталина», — приказал он³.

Вскоре появились Берия и Маленков. Маленков снял ботинки, громко скрипевшие по начищенному паркету, взял их под мышку и на цыпочках прошел в столовую. Когда они с Берией стояли над больным, Сталин вдруг начал громко хрипеть. После инсульта прошло уже не меньше восьми часов, однако вместо того, чтобы распорядиться об оказании немедленной медицинской помощи, Берия (он, казалось, был сильно пьян) разразился бранью: «Не видите, товарищ Сталин крепко спит! Марш все отсюда и не нарушайте покой Иосифа Виссарионовича!»⁴ Если верить Хрущеву, при этой сцене присутствовал и он, однако охранники показывали, что он появился на даче только в семь утра на следующий день, когда Берия и Маленков вернулись с кремлевскими врачами. Едва ли Хрущеву отказала память: скорее, он убедил себя в том, что этот исторический момент не мог произойти без него⁵.

Ко времени приезда врачей Сталин был без сознания уже 12 часов. Едва ли можно объяснить такую задержку, как это делает Хрущев, «неудобством» оттого, что великий человек оказался в столь «неблаговидном» положении⁶. 3 марта, когда Сталин умирал, его «блудный» сын Василий кричал на Хрущева и других: «Сволочи, загубили отца!»⁷ И сам Берия позднее говорил Молотову: «Я с ним покончил, я спас вас всех»⁸. По крайней мере один биограф Сталина считает Берию убийцей и выдвигает свою версию преступления⁹. Однако задержку в оказании помощи можно объяснить и проще: Берия и Маленков боялись за себя. Сталин уже довольно давно чувствовал себя не лучшим образом, страдал от гипертонии. Он бросил курить, но не отказался от бани, вредной в его состоянии (отчасти потому, что Берия убедил его не делать этого), и до самого конца не доверял врачам¹⁰. Если бы помощь пришла немедленно и Сталин бы выжил — кто знает, чем бы это обернулось для Берии и Маленкова?¹¹

Наконец прибыли дрожащие от страха доктора. У главного кремлевского врача, когда он расстегивал на тиране рубашку, тряслись руки. «Вы, врач, — прикрикнул на него Берия, — так берите, как следует!» Другие специалисты, столпившиеся в комнате вместе с членами Политбюро, не осмеливались подойти близко. Когда стоматолога попросили извлечь изо рта Сталина вставную челюсть, он уронил ее на пол. Были поставлены банки и сделан рентген легких, однако сложный кислородный аппарат остался неиспользованным. На каждую манипуляцию с больным врачи запрашивали разрешение членов Политбюро, которые, будучи совершенно некомпетентны в медицине, разумеется, не могли решить, что и как делать¹².

У постели Сталина постоянно дежурили по двое члены Политбюро: днем — Берия и Маленков, по ночам — Хрущев и Булганин, в промежутках — Каганович и Ворошилов. Согласно Молотову, всем распоряжался Берия. То и дело они с Маленковым отходили в сторонку и о чем-то шептались; иногда к ним присоединялся и Хрущев, но чаще он скромно стоял в дверях гостиной (руководители рангом поменьше теснились в прихожей). Когда Сталин был без сознания, Берия не скрывал своей ненависти к нему, но стоило больному открыть глаза, Берия кидался целовать ему руки. «Вот истинный Берия, — замечает по этому поводу Хрущев в своих мемуарах. — Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил»¹³. Но лучше ли было верить в Сталина ровно наполовину, как это делал Хрущев?

3 марта врачи объявили, что состояние Сталина безнадежно. К моменту его смерти Берия, Маленков, Хрущев и Булганин вместе с Молотовым, Кагановичем, Микояном и Ворошиловым провели несколько импровизированных совещаний. Председательствовал на них Маленков, и все предложения исходили от него и Берии. Решено было, что Маленков унаследует пост председателя Совета министров. Берия, Молотов, Булганин и Каганович (в этом порядке) станут его первыми заместителями. Берия вернет себе контроль над Министерством внутренних дел, которое будет слито с Министерством госбезопасности. Хрущев оставит свой пост в Московском горкоме и целиком сосредоточится на обязанностях одного из восьми секретарей ЦК. Президиум партии, расширенный Сталиным в 1952 году, сократится с двадцати пяти до десяти полноправных членов, из которых все, кроме двоих, будут ветеранами сталинской гвардии.

Пока что казалось, что наследники Сталина едины. Но однажды ночью, дежуря у постели Сталина, Хрущев загово-

рил с Булганиным о том, что Берия хочет вернуть себе пост министра госбезопасности. «Это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!» Булганин согласился, однако заметил, что здесь не обойтись без поддержки Маленкова. Как писал позже Хрущев, «Маленков знал... что Берия издевается над ним... однако считал, что быть вместе с Берией выгодно для его персоны». Более того, «теперь, когда умер Сталин, Берия не сомневался, что Маленков будет послушной марионеткой в его руках»¹⁴.

Вечером 5 марта руководители страны созвали общее собрание (согласно недавно принятому уставу партии, незаконное) ЦК, Совета министров и Президиума Верховного Совета. Сталин еще цеплялся за жизнь, но они уже сместили его с поста главы правительства (хотя оставили в списках членов Президиума). Председательствовал на собрании Хрущев, но реально всем распоряжались Маленков и Берия: редактор «Литературной газеты» и кандидат в члены ЦК Константин Симонов ясно почувствовал, что главные здесь — они. Маленков выступил первым, затем предоставил слово Берии. Берия предложил назначить Маленкова главой правительства. Вернувшись на трибуну (для чего ему пришлось протиснуться на узкой лесенке мимо жирного Берии), Маленков предложил дать Берии пост министра госбезопасности. Позднее Симонов вспоминал, что все лидеры — кроме неподвижного, с каменным лицом, Молотова — «вышли с каким-то затаенным, не выраженным внешне, но чувствовавшимся в них выражением облегчения. Это как-то прорывалось в их лицах...». Особая бодрость и энергия чувствовались в речах Маленкова и Берии¹⁵.

Поделив добычу, приспешники Сталина бросились в Кунцево, чтобы стать свидетелями агонии вождя. «Лицо его страшно изменилось и потемнело, — вспоминает его дочь, — губы стали совсем черными, он сделался неузнаваем... Он буквально задыхался на наших глазах. В последний момент он вдруг открыл глаза и обвел взглядом комнату вокруг себя. Взгляд у него был страшный — безумный, гневный или, может быть, полный страха смерти... Вдруг он поднял руку, словно указывая на что-то сверху — как будто призывал на всех нас проклятие... А в следующий миг после этого последнего усилия душа его покинула тело».

В тот же миг, рассказывает Аллилуева, Берия пулей вылетел из комнаты. «Воцарившееся в комнате молчание... было прервано его громким криком, в котором звучало нескрываемое торжество: «Хрусталев! (водитель Берии. — У. Т.)

Машину!»¹⁶ «Берия, когда умер Сталин, буквально просиял», — подтверждает Хрущев. Он «считал, что пришла его эра. Что нет теперь силы, которая могла бы сдержать его и с которой он должен считаться. Теперь он мог творить все, что считал необходимым»¹⁷.

Сам Хрущев оплакивал смерть Сталина — отчасти из-за страха перед туманным будущим, но отчасти и искренне, «душою». Когда Аллилуева заплакала, вспоминал он позднее, «не смог сдержаться. Сильно разволновался, заплакал». Аллилуева подтверждает, что Хрущев плакал — как и Ворошилов, Каганович, Маленков и Булганин. Дмитрий Шепилов, впоследствии редактор «Правды», присутствовал на утреннем совещании 5 марта, где обсуждалась подготовка похорон. Он вспоминал, что Берия и Маленков «были явно в приподнятом настроении, говорили больше других и постоянно прерывали своих коллег. Берия просто цвел от радости. Хрущев говорил очень мало, чувствовалось, что он потрясен». На церемонии прощания в Колонном зале Шепилов заметил, что глаза у Хрущева «красные, воспаленные, а по щекам текут крупные слезы. Время от времени Хрущев смахивал их ладонями»¹⁸.

Рыдала вся страна — даже многие жертвы Сталина в лагерях обливались слезами. Симонов, знавший о преступлениях Сталина больше, чем старался показать впоследствии, рассказывал, как 5 марта сел писать стихотворение о Сталине для «Литературной газеты», написал две строчки — и «вдруг неожиданно для себя, сидя за столом, разрыдался. Мог бы не признаваться в этом сейчас... но, наверное, без этого трудно даже самому себе объяснить меру потрясения. Я плакал не от горя, не от жалости к умершему, это не были сентиментальные слезы, это были слезы потрясения»¹⁹.

Для Хрущева смерть Сталина, как и его покровительство, оказалась и ужасной, и благодетельной. Живой Сталин был для него учителем и мучителем, благодетелем и источником постоянной смертельной опасности. Его смерть освободила Хрущева от физического страха и психологической зависимости. Однако она же принесла с собой новые опасности — исходящие и от кремлевских коллег, и от него самого, и, наконец, от ужасного наследства, оставленного Сталиным, — наследства, которое в конце концов погубило их всех.

В последние месяцы жизни Сталина Хрущев занимал в кремлевской иерархии второе или третье место (в зависимости от того, как оценивать положение Берии). В списках но-

вого Президиума Хрущев занял пятое место, после Маленкова, Берия, Молотова и Ворошилова. Очевидным наследником был Маленков, очевидным «серым кардиналом» — Берия. Молотов, работавший со Сталиным дольше всех остальных, также мог претендовать на «престол». То, что именно эти трое произносили надгробные речи на Красной площади, также доказывает, что именно они должны были составить правящий триумvirат. Никто ни в СССР, ни за рубежом и вообразить не мог, что Хрущеву удастся их всех переиграть²⁰.

Два с половиной года спустя Берия был арестован и казнен, Маленков смещен со своего поста, Молотов — подвергнут уничтожающей критике. Правда, Маленков и Молотов сохранили за собой места в Президиуме; однако к этому времени, если не раньше, полновластным хозяином страны стал Хрущев. В августе 1954 года он возглавил советскую делегацию, направлявшуюся в Пекин. Летом 1955-го на четырехсторонней конференции в Женеве советскую делегацию возглавлял Булганин, однако западные лидеры поняли, что переговоры следует вести с Хрущевым.

Никто (кроме, возможно, самого Хрущева) не мог предвидеть такой победы. Даже в сравнении с прочими неожиданными поворотами его карьеры этот триумф выглядел чудом. Однако в том, каким способом Хрущев добился своего, ничего чудесного не было. Подобно Сталину в двадцатые годы, он подменял цели коммунистической партии своими личными целями, использовал против своих соперников партийный аппарат, использовал в своих целях проблемы внутренней и внешней политики, сближался с соперниками, а затем их предавал. Так он поступил и с Берией, и с Маленковым, и с Молотовым.

Настоящая загадка — не в том, как Хрущеву это удалось, а в том, как это допустили его соперники. Ответ прост: они все еще его недооценивали. До 1953 года Хрущев не был новичком в искусстве аппаратных интриг — однако до времени скрывал свое мастерство. В 1953—1955 годах впервые открыто проявилась новая, макиавеллиевская сторона его натуры — она хорошо заметна и в мемуарах, где Хрущев с гордостью описывает шаг за шагом свою победу над Берией. Откровенно рассказав об этом, он едва ли мог бы отрицать, что практиковал подобное искусство и до того, и после. Берия Хрущев изображает настоящим исчадием ада и поэтому не видит ничего дурного в том, как с ним поступил. Другое дело — предательство Маленкова и Молотова, особенно если учесть, что сам Хрущев с негодованием обвинял в предательстве их самих. Историю этой дружбы-вражды

еще предстоит воссоздать на основании неполных и не вполне искренних свидетельских показаний. То же касается и заговора против Берии. Несмотря на свою гордость этим эпизодом, Хрущев никогда не рассказывал историю заговора целиком, старательно обходя вопрос о своем партнерстве с Берией в первые месяцы после смерти Сталина — так же, как скрывал и союз с Берией и Маленковым в последние годы жизни диктатора.

Первые публичные заявления наследников Сталина звучали бодро и уверенно. В надгробной речи Берия восхвалял «единство» руководства страны и предупреждал врагов, рассчитывающих на «беспорядок и смятение» в рядах компартии, что «никто не застанет нас врасплох». В официальном сообщении о смерти Сталина уверенно сообщалось, что при новом руководстве советский народ «еще теснее сплотится» вокруг Центрального Комитета и советского правительства²¹.

В действительности приспешники Сталина знали, что столкнутся с немалыми проблемами, — однако едва ли понимали, насколько эти проблемы серьезны. На 1 января 1953 года в лагерях находилось почти два с половиной миллиона заключенных; полмиллиона из них числились «политическими»²². Что с ними делать? Выпустить на свободу живых и реабилитировать мертвых? Казалось бы, как же иначе! Однако цена такого шага могла оказаться слишком высока. Если в лагерях сидят невинные — значит, виновны те, кто их туда отправил. Скоро наследники Сталина начали освобождать «неполитических» заключенных, а в 1953—1954 годах были расстреляны Берия, Абакумов и бывшие начальники отделов по расследованию особо важных преступлений. Однако эти шаги, сопровождавшиеся уничтожением уличающих документов, были вызваны скорее стремлением наследников Сталина укрепить свое положение, чем желанием восстановить справедливость²³. Начавшиеся в лагерях восстания подавлялись военной силой: в мае 1953 года в Норильске, где было убито около тысячи человек и еще две тысячи ранены, летом того же года в Воркуте, в мае-июне 1954-го в Кенгире (Казахстан), где заключенные захватили лагерь и удерживали его сорок дней, пока их не истребили танками и авиацией²⁴.

Все население, не исключая и партийную элиту, было в панике. Успокоение элиты стало первоочередной задачей — особенно для Хрущева, который в своей борьбе за власть опирался на партийный аппарат. Особую проблему пред-

ставляла собой интеллигенция, способная задавать неудобные вопросы и делать еще более неудобные выводы. Постепенно начиналось то, что Илья Эренбург назвал «оттепелью»; однако позже Хрущев признавал: «Решаясь на приход оттепели... мы одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым трудно будет справиться»²⁵.

Суперцентрализованная сталинская экономика совершила чудеса при индустриализации и послевоенной реконструкции (ужасные человеческие потери, не говоря уже о вреде для окружающей среды, в то время никого не заботили), однако оказалась неэффективна во многих других обстоятельствах. Постоянно не хватало потребительских товаров и жилья. В 1952 году Маленков объявил, что проблема с хлебом в стране наконец-то решена — однако это было далеко от истины. Урожай собирали низкие, меньше, чем до Первой мировой войны, количество скота не достигало уровня 1928-го, а в некоторых регионах и 1916 года. Большая часть мяса, молока и овощей производилась на личных приусадебных участках, однако власти постоянно сокращали их площадь и облагали непомерными налогами²⁶.

Взаимоотношения Советского Союза с внешним миром к 1953 году также зашли в тупик. Во время войны Сталину удалось наладить союзнические отношения с Западом, но к 1953 году Запад мобилизовал против него все свои силы, и даже многие друзья или нейтралы перешли во враждебный лагерь. Власть Москвы над Восточной Европой (не считая Югославии) казалась нерушимой; однако экономика восточноевропейских стран была на грани коллапса, а антисоветские настроения росли. Китайский вождь Мао Цзэдун публично пресмыкался перед Сталиным и тайно копил недовольство, которое вскоре выплеснулось наружу. В общем, по определению Олега Трояновского, который вскоре стал главным консультантом Хрущева по иностранным делам, наследие Сталина «было ужасно. Международная обстановка так накалена, что любой поворот винта мог привести к взрыву»²⁷.

Сталин полагался на военную мощь страны. В глазах Запада Вооруженные силы СССР казались достаточными для завоевания всей Западной Европы. Советский Союз подтвердил опасения западных стран, проведя в 1949 году первые испытания атомной, а в 1953-м — термоядерной бомбы. Однако реально СССР был слабее, чем казался. Единственный советский стратегический бомбардировщик Ту-4, копия американского Б-29, даже в самоубийственной миссии не

смог бы достигнуть Соединенных Штатов. В середине 1953 года Совет по обороне США предупреждал, что русские способны сбросить на Штаты сотню атомных бомб, что приведет к 13 миллионам человеческих жертв и потере одной трети американского индустриального потенциала. Однако, по словам Хрущева, Ту-4 «устарел раньше, чем поступил в производство», а несколько других моделей бомбардировщиков, проходившие испытания в 1956—1957 годах, разбились во время испытательных полетов. Когда один авиаконструктор объявил, что его самолет сможет, сбросив бомбы на США, приземлиться в Мексике, Хрущев ответил: «Мексика — не наша теща, мы не можем там приземляться, когда нам вздумается»²⁸.

Сталин пытался развивать межконтинентальные ракеты, но до их создания оставались еще долгие годы. Кроме того, в вопросах ракетостроительства Хрущев и его коллеги чувствовали себя полными «технологическими неучами». Когда конструктор ракет Сергей Королев доложил на заседании Президиума о своих разработках, бывший пастух из Калиновки и его товарищи «смотрели тогда [на ракету], как баран на новые ворота. В нашем сознании еще не сложилось понимание того, что вот эта сигарообразная огромная труба может куда-то полететь... Мы ходили вокруг нее, как крестьяне на базаре при покупке ситца: шупали, дергали на крепость»²⁹.

США далеко превосходили СССР в военно-воздушных силах. «Америка обложила нас авиационными военными базами, — вспоминал Хрущев. — Они располагались в Турции, я уж не говорю о Франции, Германии, Италии, Греции и Северной Африке». В первые послевоенные годы американские самолеты постоянно летали над советской территорией: одни вели аэросъемку, другие проверяли советские радары и средства защиты, третьи забрасывали шпионов и снаряжение для них. Хотя довольно большое число самолетов было сбито, а пилоты — убиты или захвачены в плен, эти полеты производили на советских руководителей тягостное и унижительное впечатление. «США вели против нас наглую и агрессивную политику, — говорил Хрущев, — не упускали ни одной возможности продемонстрировать свое превосходство. Американцы... засылали самолеты вглубь нашей территории, до Киева долетали»³⁰.

В довершение ко всему, высшее руководство страны раздирала борьба за наследие Сталина. Партийные лидеры тешили страну иллюзией коллективного руководства, однако каждый из них понимал: править может только один и за

место на вершине придется драться. Вопросы внутренней и внешней политики были орудиями в этой борьбе: каждый вел двойную и тройную игру. Это делало страну уязвимой для внешних опасностей. «Руководство страны, — рассказывал позже Хрущев, — было, если можно так выразиться, нехорошим. Собрались в кучу разношерстные люди»³¹.

Теперь представляется очевидным, что страна нуждалась в коренных переменах. Однако даже тридцать два года спустя, в конце 1980-х, когда, казалось бы, система наглядно продемонстрировала свое банкротство, перемены шли долго и мучительно. Могло ли быть легче в 1950-х, когда экономические достижения быстро росли и множество людей искренне верило в коммунистические идеалы, не заходя в своих мечтах дальше «коммунизма с человеческим лицом»? Не стоит забывать и о том, что нынешние руководители СССР были не только наследниками Сталина, но и его учениками.

После четырехдневного траура, во время которого в Колонный зал выстраивались очереди желающих попрощаться с вождем, в холодный серый день 9 марта на Красной площади состоялись похороны³². Молотов и Маленков в тяжелых пальто и меховых шапках — в отличие от Берии, чье знаменитое пенсне поблескивало из-под надвинутой на глаза широкополой черной шляпы, произносили речи с трибуны Мавзолея, получившего теперь название «мавзолея Ленина — Сталина», и дыхание их сизым паром клубилось в морозном воздухе. У одного лишь Молотова, по словам Симонова, любовь вместе с горечью потери прорывалась даже каким-то содроганием в голосе этого твердокаменнейшего человека. В речах Маленкова и Берии «отсутствовала хотя бы тень личной скорби, сожаления или волнения, или чувства утраты»; ясно чувствовалось, что «душевное состояние обоих ораторов было состоянием людей, пришедших к власти и довольных этим фактом»³³. Хрущев, как ведущий мероприятия, стоял слева; он был необычно мрачен и подавлен.

Заменив Сталина на посту председателя Совета министров, Маленков теперь вел заседания Президиума, как было принято с ленинских времен. К Президиуму присоединились двое его протеже, Михаил Первухин и Максим Сабуров; еще один его ставленник, Николай Шаталин, занял место в Секретариате ЦК. Очевидно, по просьбе коллег, опасавшихся чрезмерной концентрации власти в одних руках, 14 марта Маленков снял с себя полномочия секретаря

ЦК. Зато Берия держал в своих руках не только МГБ, но и ядерную и ракетную промышленность; кроме того, он конфисковал из личных документов Сталина материалы, с помощью которых мог шантажировать или уничтожить своих товарищей³⁴.

Молотов, несмотря на свое никем не оспариваемое старшинство, удовлетворился должностью министра иностранных дел. Хрущев 14 марта был назначен секретарем ЦК, но его обязанности касались только идеологии и пропаганды — политическими и экономическими вопросами занимались Маленков и Берия. Как секретарь ЦК, Хрущев должен был на заседании Верховного Совета 15 марта представить нового предсовмина — Маленкова; однако эту роль узурпировал Берия. Прежде протоколы заседаний Политбюро подписывал генеральный (первый) секретарь; теперь они коллективно одобрялись Президиумом ЦК³⁵.

По этим и другим признакам Константин Симонов заключил, что Берия рассматривает Хрущева как «второстепенный персонаж». Так же, если верить Петру Демичеву, помощнику Хрущева в 1950—1953 годах, думал и Молотов. Сын Анастаса Микояна Серго, профессиональный историк, предположил, что Маленков и Берия стремились вернуться к досталинской схеме управления, в которой секретари ЦК КПСС выполняли скорее технические, чем политические функции, и полагали, что Хрущев благодаря своим талантам (точнее, их отсутствию) легко смирится с таким уменьшением своей значимости³⁶.

В общих чертах решив проблему распределения власти, новое правительство обратилось к вопросам внутренней и внешней политики. Все лидеры формально одобряли перемены (и некоторые, возможно, искренне в них верили), однако главным двигателем перемен стал Берия. Он вовсе не был тайным либералом; Берия играл роль реформатора лишь потому, что знал за собой слишком много прегрешений. Стремясь улучшить свою репутацию и очернить остальных, он решил взвалить всю вину за репрессии на Сталина, приказы которого они все исполняли. Как глава службы безопасности, Берия прекрасно понимал реальное положение СССР. Ситуацию нужно было исправлять любыми средствами, а идеологию циник Берия не ставил ни в грош. Если бы он победил, то, скорее всего, уничтожил бы своих коллег — хотя бы для того, чтобы избавиться от угрозы с их стороны. Однако его реформы во многом предвосхитили действия Хрущева и даже Горбачева³⁷.

В день похорон Сталина, совпавший с днем рождения Молотова, Берия освободил Полину Жемчужину и лично «вручил» ее мужу, не сомневаясь, что теперь министр иностранных дел будет поддерживать его во всех начинаниях³⁸. 10—13 марта он отдал своим подчиненным приказ пересмотреть фальсифицированные дела, в том числе и «дело врачей», и о результатах доложить ему лично. 17 марта Берия предложил передать значительную часть индустриальной и экономической империи МВД гражданским службам, а три дня спустя сделал предложение приостановить работы на стройках, где используется труд заключенных. 26 марта он сообщил Президиуму, что в настоящее время в тюрьмах и лагерях находятся 2 миллиона 526 тысяч 401 политических и неполитических заключенных (в том числе 438 тысяч 788 женщин, из которых 35 тысяч 505 имеют детей и 62 тысячи 886 беременны), с грустью заметил, что тюремное заключение «ставит самих приговоренных, их родственников и других близких к ним лиц в крайне тяжелую ситуацию, часто разрушающую семьи и негативно влияющую на всю их дальнейшую жизнь», и предложил массовую амнистию, в результате которой вышли на свободу 1 миллион 181 тысяча 264 неполитических заключенных, осужденных на срок до пяти лет. 28 марта Берия предложил передать исправительные учреждения из МВД в ведомство Министерства юстиции. 2 апреля он сообщил Маленкову, что знаменитый еврейский актер и режиссер Соломон Михоэлс был убит в 1948 году по приказу Сталина, а два дня спустя публично заявил, что «дело врачей» — фальшивка. В тот же день он отдал приказ прекратить «жестокие избиения арестованных, сковывание рук за спиной, иногда продолжающееся в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, содержание заключенных раздетыми в изоляторах и т. п.»³⁹.

Через несколько дней после освобождения арестованных врачей члены ЦК были приглашены ознакомиться с документами по делу. По словам Симонова, который изучал документы в течение трех или четырех долгих заседаний, из них неоспоримо следовало непосредственное участие самого Сталина; в частности, он лично приказал пытаться арестованных, чтобы добиться признания. Документы исходили из МВД — это подтверждает, что идея их обнародования принадлежала Берии⁴⁰.

Грузинский режиссер Михаил Чиаурели благодаря своим льстивым фильмам о Сталине стал собутыльником диктатора. Поскольку Берия входил в ту же компанию, сценарий нового фильма, восхваляющего покойного хозяина страны,

Чаурули, естественно, показал ему. «Забудь ты об этом сукином сыне! — взорвался вдруг Берия. — Сталин был негодяем, мерзавцем, тираном! Кровопиец! Он весь народ угнетал страхом! Только в этом была его сила. К счастью, мы от него избавились. Царство небесное этому гаду!»⁴¹

Другой мишенью Берии стала сталинская практика русификации национальных республик. В серии записок, обращенных к членам Президиума, он жестоко критиковал преобладание русского руководства и повсеместное использование русского языка в деловой практике Белоруссии, Литвы, Эстонии и (недобрый знак для Хрущева) Западной Украины. Глава МВД Украины, ставленник Берии Павел Мешик, поразил ЦК украинской компартии, обратившись к нему с речью на украинском языке. Тот же Мешик приказал главе контрразведки Львовской области Тимофею Строкачу (хрущевскому протеже) заняться сбором компромата на местных партработников. Когда Строкач сообщил об этом другому коллеге Хрущева, местному партийному руководителю Зиновию Сердюку, Берия, как рассказывают, накинулся на него с бранью: «Что вы там делаете, вы ничего не понимаете, зачем вы... рассказали Сердюку о полученном вами задании?.. Мы вас выгоним из органов, арестуем и сгноим в лагерях, мы вас сотрем в порошок, в лагерную пыль вас превратим»⁴².

Во внешнеполитических вопросах Берия также отказался от политической и идеологической ортодоксии. После ареста в его секретном сейфе среди прочих бумаг было найдено не утвержденное на Президиуме секретное послание к Александру Ранковичу, первому заместителю Тито, с предложением «фундаментального укрепления» советско-югославских отношений и просьбой о «секретной встрече» для переговоров⁴³. На встрече с лидерами ГДР в Москве 2 июня и с венгерским руководством одиннадцать дней спустя советские руководители гневно упрекали коллег из «братских стран» за проведение в жизнь тех самых директив, которые те еще несколько месяцев назад получали из Москвы. Особенно усердствовал Берия. «Как это можно, — кричал он на главу венгерской компартии Матяша Ракоши, — как можно в Венгрии, все население которой — девять с половиной миллионов человек, арестовывать полтора миллиона?!.. Даже товарищ Сталин совершил ошибку, [когда] отдал прямой приказ о допросах арестованных... Человек, которого избивают, скажет все, что следователь захочет от него услышать. Признается, что он и английский шпион, и американский, и какой угодно. Но правду вы так никогда не узнаете. Зато невинный человек может отправиться в тюрьму. Есть закон, и закон надо уважать»⁴⁴.

Особенно серьезной была проблема Восточной Германии. В результате жесткой индустриализации, насильственной коллективизации и грубой антирелигиозной кампании, проводимой режимом Ульбрихта, за два года по меньшей мере полмиллиона восточных немцев бежали на Запад. Германская Демократическая Республика столкнулась с тем, что Маленков позже назвал «опасностью внутренней катастрофы». Интересно, что Берия был готов отказаться от ГДР, покинуть на произвол судьбы германскую компартию и пойти на воссоединение Германии — разумеется, в обмен на существенную компенсацию от Запада. 27 мая 1953 года, на заседании в Кремле, посвященном немецкому вопросу, Берия восклицал: «ГДР! Да что такое эта ГДР?! Даже не настоящее государство. Держится только на советских штыках, хоть и называется Германской Демократической Республикой». В ходе дискуссии Молотов предложил резолюцию против «насильственной социализации» Восточной Германии, но Берия рекомендовал вычеркнуть из текста слово «насильственная». «Почему так?!» — воскликнул Молотов. Ведь это означало бы конец социализма в Германии как такового! «Потому, — ответил якобы Берия, — что нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или нет, нам все равно»⁴⁵.

Общая сумма действий Берии в эти «сто дней», несомненно, производит впечатление. Хотя некоторые его инициативы (как, например, предложения по дерусификации в стране, где преобладают русские) угрожали его репутации, поначалу он обошел своих соперников. Само число инициатив, многие из которых выходили за рамки его служебной компетенции, ясно указывает на презрение к коллегам. В одной записке, обращенной к Хрущеву, Берия не «просит рассмотреть» свое предложение, а открыто требует его «утвердить». Есть свидетельства о том, как он грубо распекал по телефону Маленкова, Хрущева и Булганина. В первые дни после смерти Сталина коллеги Берии, растерянные и подавленные, возможно, заслуживали такого обращения. Однако его нескрываемое высокомерие заставило их собраться с духом — и дало им в руки оружие против него⁴⁶.

Сразу после смерти Сталина Хрущев, казалось, был так же близок с Берией и Маленковым, как и они друг с другом. По утверждению Молотова, они составляли неразлучную тройцу⁴⁷. Молотовым, разумеется, двигала неприязнь к Хрущеву — однако и сам Хрущев подтверждает его заявление: Берия «во время похорон Сталина и после проявлял ко

мне большое внимание, выказывал свое уважение. Он вовсе не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал устанавливать дружеские отношения и со мной. Если, бывало, они вдвоем соберутся пройтись по Кремлю, то и меня приглашают. Я, конечно, не противился, хотя мое негативное отношение к Берии не изменилось, а наоборот, укрепилось еще больше»⁴⁸.

Выступая в ЦК после ареста Берии в июне 1953 года, Хрущев как будто защищается: «Некоторые могут сказать: “Как же так? Ведь Маленков с Берией везде ходил рука об руку”... А другие, может быть, скажут, что и Хрущев все время рядом терся. [*Смех в зале.*] И это верно. Так оно и было. Берия не тот человек, которого легко понять и разоблачить... После смерти Сталина его отношение ко мне вдруг переменялось. Если за день я ему не позвоню, он звонил сам и спрашивал: “Почему ты не звонишь?” Я ему: “Некогда, занят”, — а он: “Звони почаще”». В некоторых разговорах «Берия поливал их (Молотова и Маленкова. — У. Т.) ядом, давал мне понять, что я лучше их. Я им потом об этом рассказывал»⁴⁹.

Став почти неразлучными, Берия, Хрущев и Маленков не перестали подкапываться друг под друга. «У нас в министерстве [внутренних дел] полный бардак, — рассказывал чиновник среднего ранга знакомому писателю. — Берия дает приказ, а Маленков звонит из Кремля, отменяет его и дает свой»⁵⁰. В апреле 1953 года Хрущев, по-видимому, помог Берии удалить из Секретариата ЦК ставленника Маленкова Семена Игнатъева, того, который возглавлял МГБ во время «дела врачей»⁵¹. Однако Берия едва ли обрадовался, когда, по-видимому, с помощью Маленкова, пост нового лидера компартии Украины занял протезе Хрущева Алексей Кириченко.

Окончательный разрыв между Хрущевым и Берией был вызван отнюдь не политическими разногласиями. Хрущев не одобрял явной готовности Берии «отдать 18 миллионов восточных немцев во власть империалистов», однако одного этого было недостаточно, чтобы организовать против него рискованный заговор. Позднее Хрущев обвинял Берию в попытках «вбить клин между национальностями». Однако в то время он не только поддерживал Берию в национальном вопросе, но и по собственной инициативе проводил аналогичные реформы в Латвии и Эстонии. Во время подготовки к похоронам Сталина Хрущев взял Кагановича за руку и сказал: «Лазарь, как же будем жить и работать без Сталина?» Именно он поддержал предложение дать имя Стали-

на ВЛКСМ. При этом так же, как и Берия, Хрущев стремился подорвать репутацию умершего вождя: когда в «Литературной газете» появилась статья от редакции с призывом к писателям прославить имя Сталина, на следующее утро Хрущев угрожал уволить ее редактора, Константина Симонова⁵².

«Когда Берия был на коне, — вспоминал бывший помощник Хрущева Петр Демичев, — Никите Сергеевичу, разумеется, приходилось с ним ладить, хотя он ненавидел его и боялся. Берия чувствовал, что игнорировать Хрущева нельзя, поэтому обращался с ним осторожно»⁵³. В конечном счете Хрущев выступил против Берии из страха — страха, что иначе тот нападет первым.

Главную роль в заговоре приписывали себе и Хрущев, и Маленков⁵⁴. Молотов, ненавидевший обоих, и Микоян, с обоими ладивший, оставляли первенство за Хрущевым⁵⁵. Открытая просьба к Маленкову о помощи против Берии поставила бы Маленкова в тяжелое положение: узнав обо всем, Берия мог его уничтожить, а если бы Берия был побежден, Маленков потерял бы свое положение и был бы скомпрометирован как его бывший союзник. Поэтому Хрущев начал с более скромного предложения: «одернуть» Берию, блокировав некоторые из предложений, которыми он заваливал Президиум. «Беда в том, — говорил он Маленкову, — что ты на заседаниях Президиума никому говорить не даешь. Стоит Берии шевельнуться, и ты сразу вскакиваешь, чтобы его поддержать... А ты дай возможность высказаться другим, придержи себя, не выскакивай... Мы ведь составляем повестку дня. Давай поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и станем возражать ему»⁵⁶.

Когда именно был заключен этот договор, не вполне ясно. Однако, очевидно, именно после него на одном из заседаний члены Президиума отвергли предложение Берии о сокращении максимального срока заключения до десяти лет («Имелось в виду, — объяснял Хрущев на пленуме ЦК в июле 1953 года, — что человека сажают на десять лет, потом еще на десять, и так превращают в лагерную пыль»⁵⁷.) То же произошло во время дискуссии по германскому вопросу. Оппозицию планам Берии в отношении ГДР возглавил Молотов. Хрущева он считал союзником Берии и был приятно удивлен, неожиданно встретив его поддержку. Министр иностранных дел был так благодарен Хрущеву, что после заседания, вопреки своей обычной чопорности и неприступности, предложил ему перейти на «ты». После этого совещания, вспоминал Хрущев, «со стороны Берии отношение ко

мне внешне вроде бы не изменилось. Но я понимал, что тут лишь уловка, “азиатчина”... Я понимал, что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мной в первую очередь, когда наступит подходящее время»⁵⁸.

В середине июня Хрущев перешел от сопротивления Берии к подготовке его свержения⁵⁹. «Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно срочно действовать»⁶⁰.

Берия сам дал Хрущеву в руки козырь, попытавшись втянуть его в заговор против Маленкова. Это позволило Хрущеву убедить Маленкова, что альтернативы нет — нужно избавиться от Берии как можно скорее⁶¹. Маленков согласился; осталось убедить остальных. Булганин не заставил себя долго упрашивать, но с другими пришлось потрудиться. Если бы кто-нибудь из них дал знать Берии — игре пришел бы конец. Но даже и это было необязательно: у Берии были свои способы узнавать о содержании конфиденциальных разговоров.

Прежде всего Хрущев направился к Ворошилову. Однако едва он вошел в кабинет последнего в здании Верховного Совета (как предлог для разговора было выбрано общее членство в одной из правительственных комиссий), как тот принялся «громко восхвалять Берию: “Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный человек!”» Хрущев в ответ лишь пробормотал что-то вроде: «Может, ты зря так говоришь, преувеличиваешь его качества?» — сказал пару слов по тому поводу, который использовал для встречи с Ворошиловым, и быстро удалился. Он прекрасно понял, что означала эта сцена: «Ворошилов мог так говорить, считая, что его подслушивают, и говорил это для “ушей Берии”. С другой стороны, он считал меня близким к Берии». Теперь, если бы Хрущев заговорил о своем деле напрямую, Ворошилов «мог не согласиться просто из самолюбия: только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу перешел на мою позицию»⁶².

Хрущев не ошибся в оценке истинных взглядов Ворошилова. Когда позже Маленков намекнул ему на заговор, Ворошилов поспешил прикрыть близстоящие телефонные аппараты, прошептал, что согласен, а затем, прослезившись, обнял Маленкова и поцеловал⁶³.

Кагановича Хрущев пригласил к себе в кабинет. Опас-

ность придала Хрущеву несвойственную ему сдержанность: он молча выслушал пространный рассказ Кагановича, только что вернувшегося из инспекционной поездки по сибирским лесопилкам. «Я его не останавливал, хотя голова у меня была занята совершенно другим. Я проявлял вежливость, тактичность, ждал, пока его тема иссякнет. Когда я увидел, что наступил конец, то сказал: “Это все интересно, что ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что делается у нас”».

«А кто за?» — был первый вопрос старого лиса Кагановича. Узнав, что на стороне Хрущева и Маленкова большинство, Каганович немедленно выразил желание присоединиться: «Я тоже за, конечно, за, это я просто так спросил». «Но я его правильно понял, — вспоминал позже Хрущев, — и он меня понял»⁶⁴.

Не хуже понимал Хрущев и намерения Молотова. Поскольку тот «сам все знал и видел похожее еще при жизни Сталина», и Хрущев «лично слышал, как он очень резко высказывался против Берии», с Молотовым Хрущев заговорил напрямую. Тот тоже поинтересовался позицией Маленкова, а затем без колебаний согласился, добавив, что желательнее не только снять Берию со всех постов, но и принять «более крайние меры»⁶⁵.

Труднее всего было начать разговор с Микояном. Его заговорщики оставили напоследок, как объяснял Хрущев, потому что «мы все знали, что у Берии и Микояна существовали наилучшие отношения, они всегда стояли один за другого». Однако то же можно было сказать и о Маленкове, и о самом Хрущеве, так что, по-видимому, истинная причина была не в этом. Сын Микояна Серго предполагает, что дело заключалось в этническом предрассудке: Хрущев полагал, что Микоян не захочет строить козни против земляка-кавказца. Поэтому Микояна ни о чем не предупреждали до самого утра 26 июня. В тот день по дороге в Кремль Микоян заехал к Хрущеву на дачу, и оба вели долгий разговор в саду, на безопасном расстоянии от бдительной охраны. Сергею Хрущеву этот ранний визит показался необычным — как и «серьезные лица» обоих мужчин, когда они садились в машину Хрущева, бронированный автомобиль, используемый им в первый раз после смерти Сталина. В разговоре Хрущев предложил только сместить Берию с поста министра госбезопасности и вместо этого назначить министром тяжелой промышленности; Микоян согласился. Истинные цели заговора Хрущев открыл Микояну уже в Кремле⁶⁶.

Вечером накануне события, положившего конец карьере Берия и открывшего путь наверх для Хрущева, «неразлучная тройца», как обычно, возвращалась домой из Кремля вместе. Берия довез коллег до улицы Грановского и дальше поехал один. На прощание они пожали друг другу руки. Неделю спустя на пленуме ЦК Хрущев рассказывал, что в тот момент думал: «...Ну, думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в два часа мы тебя подождем. (*Смех в зале.*) Мы тебе не руку пождем, а хвост подождем»⁶⁷.

Берия был уверен, что ему ничто не угрожает. Несколько дней назад он дал им понять, что за ними следит. После того как Берия подвез их на улицу Грановского, Хрущев, Маленков и Булганин остановились поболтать, а затем, поскольку дни стояли жаркие, решили разъехаться по дачам. Берии об этом никто не говорил; однако на следующее утро в кабинете Маленкова Берия, указав на Хрущева и Булганина, проговорил: «Они хитрят. Поднялись в квартиру, а потом уехали на дачу». «Мы решили превратить это в шутку, — рассказывал Булганин. — Никита Сергеевич говорит: “Как ты здорово узнаешь, у тебя что — агенты?”». Нетрудно себе представить, как зловеще прозвучала для Хрущева «шутка» Берии⁶⁸.

Самоуверенность Берии была не совсем беспочвенной. Под его командованием находились две расквартированные в Москве дивизии внутренних войск, ему подчинялась кремлевская охрана, а начальник Московского военного округа, генерал-полковник Павел Артемьев, начинал службу офицером НКВД. У соперников Берии был доступ к другим военным силам, однако мобилизовать их заранее — означало бы предупредить врага. Пехотинцы и танки Таманской дивизии (той самой, что поддержала Ельцина во время неудавшегося путча в августе 1991 года) вошли в Москву и двинулись в район Красной площади, но не раньше, чем Берия был схвачен. «А кто именно его задержит? — спрашивал Хрущев. — Наша охрана подчинена лично ему»⁶⁹. Заговорщики решили незаметно провести в Кремль вооруженных людей, схватить Берию и сменить кремлевскую охрану прежде, чем подчиненные Берии поймут, что происходит.

Чтобы не возбуждать у Берии подозрений, Хрущев предложил созвать заседание не Президиума партии, а Совета министров. В какой-то момент Маленков должен был предложить перейти к обсуждению партийных вопросов и внести предложение о снятии Берии со всех постов. В это же время Берию арестуют. Однако «во время заседания охрана Президиума сидит в соседней комнате, — рассказывал поз-

же Хрущев. — Как только мы поднимем наш вопрос, Берия прикажет охране нас самих арестовать»⁷⁰.

Заговорщики организовали отъезд Павла Артемьева из Москвы на маневры, а в самый день заговора куда-то отозвали и коменданта Кремля. 26 июня около девяти часов утра Хрущев позвонил Кириллу Москаленко, командующему Московским военным округом, и попросил его выбрать нескольких надежных людей и вместе с ними ждать вызова в Кремль для обсуждения вопросов противоздушной обороны. «И захватите с собой папиросы, — добавил он. — Понимаешь меня?»

«Я все понял, — вспоминал потом Москаленко. — “Папиросы” означали оружие». Поскольку входить в здание Кремля с оружием запрещалось, Москаленко и его люди спрятали пистолеты в портфелях и под пиджаками. Булганин предоставил им правительственную машину, которую не стали обыскивать при въезде в Кремль. Маленков и Хрущев обратились также к маршалу Жукову и еще трем людям (в их числе был и Леонид Брежнев), которые приехали в Кремль с Жуковым на его машине.

Обе группы офицеров были препровождены в кабинет, который прежде занимал секретарь Сталина Поскребышев. К этому времени военные уже в общих чертах знали, что им предстоит, а вскоре Хрущев, Маленков, Молотов и Булганин объяснили им их задачу во всех подробностях. По сигналу помощника Маленкова Суханова, сидящего в «предбаннике», они должны были войти в зал заседаний и арестовать Берия. Тот еще не показывался — он, как обычно, опаздывал. Наконец вошел Берия: одет он был неформально, без галстука, однако с портфелем в руках. Около пятнадцати его помощников и охранников остались ждать шефа снаружи. По рассказу Жукова, он был предупрежден, что Берия владеет джиу-джитсу⁷¹.

Заседание началось в полдень и продолжалось около двух часов. Выступление против Берии начал Маленков, прочие его поддержали⁷². Хрущев, по свидетельству Микояна, говорил особенно резко: обвинил Берия в работе на английскую разведку, в том, что после смерти Сталина он старается «подорвать социализм» и «легализовать произвол». Берия — «вообще не коммунист, — продолжал Хрущев. — Он — карьерист, который пролез в партию из карьеристских побуждений. Ведет же он себя вызывающе и недопустимо. Невероятно, чтобы честный человек мог так вести себя».

Поначалу Берия не понял, насколько серьезна ситуация. «Что это ты, Никита?! — воскликнул он. — Что ты мелешь?!»

Затем признал свои «ошибки», но просил не исключать его из партии. Произнеся краткую заключительную речь, Маленков нажал кнопку вызова военных, ждавших в соседней комнате, и объявил: «Предлагаю вам, как председатель Совета министров СССР, задержать Берию». Когда Жуков закричал: «Руки вверх!» — Берия рванулся к портфелю, лежавшему на подоконнике. Испугавшись, что в портфеле оружие, Хрущев схватил его за руку⁷³.

Москаленко, Жуков и другие офицеры вывели Берию в соседнюю комнату. С него сняли ремень и срезали пуговицы на брюках, чтобы затруднить движения. Ближайшие помощники Берии также были арестованы, верная ему охрана нейтрализована. Все происходило в обстановке строгой секретности. Берия несколько раз просил отвести его в туалет, видимо, надеясь в разговоре наедине перетянуть кого-либо из офицеров на свою сторону — но никто не пришел ему на помощь. Прошло несколько часов (высокопоставленные стражи Берии не имели возможности пообедать, и Суханов готовил им бутерброды). Наконец, под покровом относительной темноты, Москаленко вывел Берию из здания, затолкал в машину, присланную из штаба Военно-воздушных сил, прикрыл ковром и отвез его на хорошо охраняемую гауптвахту, откуда Берию на следующий день переправили в подземный бункер Москаленко в проезде Комиссариата, неподалеку от набережной Москвы-реки. Поздно вечером 26 июня усталый Хрущев вернулся к себе на дачу. «Сегодня арестовали Берию, — сказал он жене и сыну. — Оказалось, что он враг народа и иностранный шпион»⁷⁴.

Так завершился один из блистательнейших триумфов Хрущева. Он вел опасную игру, и заговор легко мог быть раскрыт, если бы не самоуверенность Берии. По всей видимости, он недооценивал своих коллег, не считая их способными на решительные действия. Однако есть и другая, куда более сложная гипотеза, заслуживающая рассмотрения, — возможно, Хрущев вел не двойную, а тройную игру. Возможно, он обманул Берию, убедив его, что заговор направлен против Маленкова.

По словам сына Маленкова Андрея и его помощника Суханова, Маленков опасался именно такого развития событий: вот почему он решил «продублировать» Москаленко Жуковым. Позже Маленков рассказывал, что почти все время заседания Берия оставался удивительно спокоен и уверен в себе; когда Хрущев вышел в соседнюю комнату, где находились офицеры, на губах Берии заиграла удовлетворенная усмешка. Та же усмешка будто бы появилась, когда в зал во-

рвались с пистолетами наготове Москаленко и его люди. И лишь когда Берия увидел Жукова и услышал его крик: «Руки вверх!» — самообладание его покинуло: он был так поражен таким оборотом событий, что, «несмотря на свою быструю реакцию, сообразительность и решимость, не закричал, не бросился на Жукова, вообще ничего не предпринял»⁷⁵.

Разумеется, этот рассказ не стоит безоговорочно принимать на веру. Однако он отчасти объясняет самоуверенность и спокойствие Берии. Возможно, тайные службы получили информацию о заговоре — установили, например, что члены Президиума чаще обычного бывают у Хрущева на даче. Правда, самые секретные разговоры велись на берегу реки, где их никто не мог подслушать, — но иные беседы велись и в квартирах, и в рабочих кабинетах. Вполне возможно, что агенты Берии проявили некомпетентность и не расшифровали вовремя записи «жучков» или что Иван Серов, ставленник Хрущева в окружении Берии, принял меры, чтобы эти записи не попали к шефу⁷⁶. Но также возможно и другое: Берия не обращал внимания на признаки готовящегося заговора, поскольку был уверен, что этот заговор направлен не против него.

Если так, Берия должен был ожидать, что заседание 26 июня окончится арестом Маленкова. «Что это ты, Никита?! — вскричал он, схватив Хрущева за руку, когда понял, что ловушка подготовлена для него»⁷⁷. Такой двойной заговор кажется слишком сложным замыслом для простоватого Никиты Сергеевича — однако мы уже имели немало случаев заметить, что его «простота» давно стала лишь удобной маской.

Победители 26 июня, действуя в классической сталинской манере, объявили Берию «врагом народа» и арестовали его жену и сына, а также ближайших помощников из МВД. Допросы Берии и его приспешников, начавшиеся в начале июля, вели Москаленко и Роман Руденко, бывший прокурор Украины, ставший теперь генеральным прокурором СССР. Опасаясь, что Берия попытается возложить вину на них, его бывшие коллеги слушали секретное заседание суда, состоявшееся в декабре 1953 года, по радио. Однако Берия понимал, что его единственная надежда — не злить бывших товарищей, а вымолить у них помилование; хотя ему не давали бумаги и перьев, он находил возможность забрасывать бывших коллег записками, в которых умолял о прощении. С особой теплотой он обращался к «дорогому Георгию». Ма-

ленков «очень волновался, когда читал эти записки, — вспоминал Хрущев, — он боялся, что дело, направленное против Берии, обернется против него. Но мы ему сказали, что *сейчас* обсуждается не этот вопрос» (выделено мной. — У. Т.)⁷⁸.

В начале декабря Хрущев сказал Руденко: «Пора кончать». 18 декабря начался шестидневный процесс над Берией и шестью его сообщниками, проводившийся в полном согласии со сталинскими приемами: никаких присяжных, никаких апелляций, приговор выносится немедленно. Состав суда (Москаленко и несколько высших партийных и государственных чиновников) не имел конституционного обоснования. Формальные обвинения включали государственную измену, терроризм и контрреволюционную деятельность. Особенно заинтересовал судей длинный список женщин, в том числе известных актрис, а также жен и дочерей элиты — жертв похоти Берии⁷⁹.

Следуя директиве Президиума, вынесшего приговор еще до суда, судьи признали Берию и его подчиненных виновными по всем пунктам и приговорили к расстрелу в том самом бункере, где проходил процесс. После оглашения приговора охранники сняли с Берии тюремную робу, оставив его в нижней белой рубаше, связали ему руки за спиной и привязали веревку к крюку, вбитому в деревянную доску особой формы, призванную оградить свидетелей от рикошетирующих пуль. Берия попытался заговорить, и Руденко приказал заткнуть ему рот полотенцем. Расстреливал Берию не обычный палач, а генерал-полковник Павел Батицкий. За мгновение до казни свидетели видели, как Берия дико вращает глазами. Батицкий выстрелил в упор ему в лоб. Немедленно вслед за тем тело было сожжено в Донском крематории⁸⁰.

Приговор был вынесен и приведен в исполнение 24 декабря. Неделей ранее в советской прессе был опубликован список выдвинутых обвинений. ЦК, разумеется, не дождался суда: его члены еще в июле постановили сделать Берию козлом отпущения, взвалив на него страшнейшие из сталинских преступлений и оставив незапятнанной репутацию самого Сталина — и свою собственную. Маленков, председательствовавший на пленуме, был особенно осторожен, словно боялся, что поток обвинений против Берии утопит и его. Такую же сдержанность проявляли Каганович и Микоян; Молотов предпочел говорить только о внешней политике. Самую пламенную речь, живую и искреннюю по тону, но явно тщательно продуманную, произнес Хрущев. В своих обвинениях он касался прежде всего тридцатых годов,

когда его коллеги имели более непосредственное отношение к террору, чем он сам. Поскольку время нападать на Маленкова еще не пришло, он ограничился лишь намеком на близость последнего к Берии. Стремясь защитить себя, Маленков в ответ намекнул, что за происходившее в годы правления Сталина отвечает прежде всего сам Сталин. Хрущев играл на пленуме главенствующую роль. Константин Симонов был поражен «страстным удовольствием», с которым он описывал пленение Берии. «Для меня было совершенно очевидным, когда я слушал его, — вспоминал Симонов, — что Хрущев был инициатором этой поимки с поличным, потому что он оказался проницательнее, талантливее, энергичнее и решительнее, чем все остальные»⁸¹.

Весной и летом 1953 года Рада Аджубей и Сергей Хрущев проводили много времени на даче отца — в роскошном двухэтажном дворце в псевдоготическом стиле, который когда-то принадлежал дядюшке Николаю II, московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. Как только позволила погода, Никита Сергеевич покинул квартиру на улице Грановского с окнами во двор. Он любил цветение яблонь и вишен, сирени и шиповника и долгие прогулки по берегу Москвы-реки. Рада не часто видела отца — он уезжал на работу рано утром, а возвращался поздно вечером, — но запомнила его реакцию на возвышение Берии: «Он прекрасно понимал, что для него самого это может означать либо конец, либо величайшую победу. Теперь все висело на волоске»⁸².

Когда выяснилось, что победа остается за ним, вспоминает Алексей Аджубей, «Хрущев даже внешне очень изменился. Стал более уверенным, динамичным». «Еще приметнее стала манера Хрущева вести разговор куда самонадеяннее, чем было недавно». Эту перемену заметили и другие — и сделали соответствующие выводы. Охрана Хрущева начала «иначе, более нагло вести себя». Коллеги по Президиуму уступали ему первое место; когда все руководство куда-либо отправлялось, первым приезжал и уезжал автомобиль Хрущева⁸³.

По воспоминаниям Аджубей, в июле 1953-го Хрущев решил, что «настал час» — сладкий миг, к которому он будет снова и снова возвращаться в своих воспоминаниях, всякий раз дополняя историю новыми красочными подробностями. Несколько лет спустя, отдыхая на своей крымской даче, Хрущёв выйдет из моря в своих мешковатых купальных тру-

сах, плюхнется на песок и начнет рассказывать помощникам, как перехитрил Берию. Во время Совещания коммунистических и рабочих партий в 1960 году эмоциональный Хрущев поразит советских и иностранных лидеров рассказом о том, как Маленков в критический момент «побелел» и его «пришлось пнуть ногой под столом», а сам Берия «позеленел и наложил в штаны». Слаще всего для Хрущева, по словам Константина Симонова, было сознание, что Берия считал его «жирным, неуклюжим, красноречивым дураком, которого он, Берия, всегда переиграет и вокруг пальца обведет». Неудивительно, что совещание в ноябре 1960 года Хрущев закончил пересказом уже известной нам истории Винниченко и очередным сравнением себя с «сапожником Пиней»⁸⁴.

Однако, несмотря на роль, которую сыграл Хрущев в смещении Берии, Маленков и другие по-прежнему его недооценивали. В сентябре 1953 года они допустили его выдвижение из рядового секретаря ЦК в первые секретари (должность, благодаря которой он сумел использовать парт-аппарат к собственной выгоде) лишь потому, что верили: он будет знать свое место. По словам министра сельского хозяйства Бенедиктова, коллеги Хрущева видели в нем «временщика». В постановлении пленума ЦК пункт о его повышении в должности стоит одиннадцатым из двенадцати — одно это показывает, как мало его ценили⁸⁵.

И напрасно! В последующие месяцы Маленкову предстояло осознать и оплакать свою ошибку. Но было ли неизбежным его столкновение с Хрущевым? Маленков не был сверхчеловеком, однако не уступал Хрущеву ни умом, ни талантами. Хрущев был импульсивен, Маленков — более вдумчив и выдержан. Хрущев стремился главенствовать, Маленков охотно удовлетворялся и вторыми ролями. У них были общие цели (особенно в вопросах политики и сельского хозяйства); между ними даже существовало что-то вроде дружбы — насколько это было возможно для членов Политбюро.

Сергей Хрущев характеризовал отношения своего отца с Маленковым не как «дружбу», а как «союз». Однако Нина Петровна высоко ценила жену Маленкова, Аджубеи дружили с его дочерью и ее мужем — архитекторами, а сам Сергей был близок к сыновьям Маленкова — Андрею и Егору, выбравшим научную карьеру. После смерти Сталина Маленков предложил семье Хрущевых вместе переехать в новые дома, строившиеся на Ленинских горах. Пока что оба жили в соседних особняках на проездах Еропкина и Померанцева. Оба дома были построены на рубеже веков, имели простор-

ные дворы (у Хрущева — с садом и пересохшим бассейном, у Маленкова — еще роскошнее, настоящее патио с четырьмя греческими колоннами). Сады соединялись калиткой. За высокими стенами, ограждающими обитателей особняков от любопытных глаз, обе семьи часто встречались. Маленков даже решил выстроить себе новую дачу в Ново-Огареве, неподалеку от дачи Хрущева — «чтобы всегда можно было захватить и спросить совета», вспоминал Сергей Хрущев. Однако вскоре после переезда Маленкову пришлось навсегда покинуть Президиум — а дачу его тридцать лет спустя использовали для переговоров с иностранными делегациями Горбачев и Ельцин⁸⁶.

Чем же объяснить вражду, возникшую между Маленковым и Хрущевым? Политическая культура Кремля подразумевала взаимные подозрения, однако они не достигли бы такой силы, не подкрепляемые личной враждой. По-видимому, Маленков не мог смириться с тем, что Хрущев оказался на первом месте, а Хрущев не мог отказать себе в удовольствии лишней раз унижить Маленкова. Мало того: другие члены Президиума скоро разделились на две партии. «Всем было известно, что Молотов, Каганович и другие члены Президиума ненавидят Маленкова», — писал зять Маленкова Владимир Шамберг. Все они были готовы стоять за Хрущева — которого скоро возненавидят куда сильнее⁸⁷.

После ареста Берии Маленков укрепил свои позиции в центральном государственном аппарате, назначив своими заместителями нескольких своих ставленников. Его подчиненные распространяли слух, будто он — племянник Ленина (девичья фамилия матери Маленкова — Ульянова); сам он подчеркивал свою дружбу с академиком Глебом Кржижановским — другом и соратником Ленина, женатым на тетке жены Маленкова⁸⁸.

Однако Хрущев превосходил его по многим пунктам. Будучи партийным лидером, он мог использовать в своих интересах аппарат партии, авторитет которой после смерти Сталина значительно укрепился. Он расширял свое влияние, назначая членами ЦК местных партийных боссов⁸⁹. Маленков был выше его в интеллектуальном и культурном отношении, однако как личность — совершенно бесцветен. Хрущев, в противоположность ему, производил впечатление открытого, бодрого жизнелюба, энергичного и практичного руководителя, готового встретить любой вызов с открытым забралом. Геннадий Воронов, первый секретарь Читинского обкома, с удовольствием вспоминал о встрече с этим «открытым и прямым» человеком, «возродившим ленинские

нормы в партийной жизни». Иван Бенедиктов, впоследствии выступавший против Хрущева, одобрительно отзывался о его «природном остроумии и находчивости, крестьянском юморе и смекалке, способности проявлять инициативу и привлекать на свою сторону людей любого типа...». Александр Шелепин позже слышал от старших товарищей по Президиуму рассказы о том, как «демократично» держался Хрущев в эти годы, «прислушивался к мнению товарищей, уважительно к ним относился. Часто воскресные дни члены Президиума ЦК, секретари ЦК КПСС проводили с ним на государственной даче, под Москвой, вместе с семьями. Почти ежедневно вместе обедали в Кремле, здесь иногда решались текущие вопросы, в том числе и важные»⁹⁰. Даже Молотов признает, что Хрущев «много ездил на места, он бывал в колхозах, совхозах. Он сам бывал среди ходяков очень часто, и в этом его не упрекнешь, он как раз в этом отношении имеет положительное качество. Везде бывал — в котельной и конюшне, не в этом дело. Конечно, он встречался больше, чем Ленин, чем Сталин, с простыми крестьянами и рабочими. В наиболее простой обстановке. Нельзя отрицать. Его и меньше стеснялись, его считали своим, народным»⁹¹.

Помимо энергии и личного обаяния, был у Хрущева и еще один козырь — компрометирующие документы, извлеченные из сейфа Берии. Маленков сумел завладеть «признанием» Ежова, сделанным незадолго до казни и обращенным против него; однако «доказательства» того, что он якобы организовал заговор с целью убить Кагановича, ему уничтожить не удалось⁹². Сам Хрущев уверял, что даже не читал эти документы; но новый глава КГБ Иван Серов, конечно, читал⁹³.

Центральным пунктом программы Маленкова были предложенные им реформы сельского хозяйства. В августе 1953 года он предложил сократить налоги, повысить государственные закупочные цены на сельхозпродукты и поощрять развитие индивидуального крестьянского хозяйства, обеспечивавшего страну значительной долей овощей и молока. Эти меры завоевали широкую популярность; в деревнях до сих пор помнят тогдашнюю поговорку: «Пришел Маленков — поели блинков»⁹⁴. Он отменил добровольно-принудительное распространение облигаций государственного займа.

Кроме того, Маленков заигрывал с интеллигенцией. Как уверяет его сын, именно по его инициативе полотна импрессионистов, долгое время скрывавшиеся в запасниках музеев, снова были выставлены на всеобщее обозрение. Ма-

ленков просил ведущих экономистов предлагать более широкие экономические реформы и спрашивал у ведущих ученых их мнение по поводу положения дел в науке; последние нелюбезно отзывались о Лысенко, биологе-шарлатане, которого Хрущев поддерживал до самого конца своего правления⁹⁵.

Как для Хрущева, так и для Маленкова основным препятствием на пути реформ представлялся сформированный при Сталине пропагандистский образ внешнего мира. Если капиталистические страны — непримиримые враги СССР и новая мировая война неизбежна, едва ли Советский Союз может позволить себе сокращение вооружений или снижение бдительности во внутренних делах. Маленков выступил против этих тезисов, настаивая, что «в отношениях СССР с другими государствами нет таких спорных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами», и что ядерная война уничтожит не только капитализм, но и «мировую цивилизацию»⁹⁶.

Хрущев никогда не был идеологом, однако «вольнодумство» Маленкова вызывало у него такой же протест, как и попытки последнего укрепить государственную бюрократию за счет партийного аппарата. В ноябре 1953 года Маленков обвинил высших партийных чиновников в коррумпированности и пригрозил вывести органы государственной власти из-под их контроля. Его речь была встречена «гробовой тишиной»: на лицах слушателей «недоумение было перемешано с растерянностью, растерянность со страхом, страх с возмущением». И тогда раздался из президиума голос Хрущева: «Все, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора». И зал взорвался восторженными аплодисментами⁹⁷.

Программа Хрущева также основывалась на реформе сельского хозяйства. По утверждению Молотова, Хрущев «решил ввести новую политику» и «негодовал», когда Маленков опередил его своими августовскими предложениями. Хрущев «не мог ни забыть, ни простить», добавляет Микоян, того, что «вся слава» досталась Маленкову. Вот почему на сентябрьском пленуме ЦК Хрущев попытался вернуть себе инициативу⁹⁸. В более открытом обществе принятие решений включало бы в себя обязательное широкое обсуждение, слушания в законодательных органах и парламентские дебаты. Здесь же двое помощников Хрущева, двое редакторов «Правды» и один специалист-агротехник проводили дни и ночи за закрытыми дверями одного из кабинетов ЦК на Старой площади, пытаясь определить истинную глубину

кризиса сельского хозяйства, требуя от Центростата точных цифр и получая в ответ раздутую статистику, которой чиновники надеялись порадовать начальство⁹⁹.

Несмотря на все усилия статистиков, было очевидно, что сельскому хозяйству грозит катастрофа. Хрущев прямо сказал об этом на пленуме — и завоевал репутацию человека, который не боится смотреть горькой правде в лицо. Более того, стало очевидно, что Маленков лгал в 1952 году, уверяя, что проблема с зерновыми «решена». Четыре месяца спустя, направив коллегам по Президиуму еще более откровенную записку по тому же вопросу, Хрущев в первой же фразе процитировал — хоть пока и не называя имени Маленкова — заявления из его доклада¹⁰⁰.

Предложения Хрущева во многом повторяли идеи Маленкова: снижение налогов, повышение закупочных цен, развитие индивидуального хозяйства. Все это, несомненно, имело смысл — однако по большому счету не устраивало самого Хрущева. Несмотря на всю свою практичность и мужество, он не мог принять самого принципа, лежащего в основе реформ, — принципа освобождения крестьян от коллективизации¹⁰¹.

Сентябрьская речь Хрущева сделала его ведущим в правительстве специалистом по сельскому хозяйству. Другие руководители могли возлагать вину за плохие урожаи на погоду или прошлые испытания — но не Хрущев. В 1955 году он начал свою очередную речь по этому вопросу таким вступлением: «Товарищи, идет уже 38-й год Советской власти. Срок немалый. Значит, сослаться на Николая II нам уже стыдно (*смех в зале*), его давно нет в живых». На другом собрании Хрущев заявил: «Народ говорит нам: “Мясо будет или нет? Молоко будет или нет? Штаны хорошие будут?” Это, конечно, не идеология. Но нельзя же, чтобы все имели правильную идеологию, а без штанов ходили. (*Смех. Аплодисменты.*)»¹⁰²

Под реформами, предложенными Маленковым и развитыми Хрущевым, имелась в виду прежде всего реорганизация уже имеющихся колхозов и совхозов. Следующее предложение Хрущева — уже целиком его собственное — было новым и неожиданным: ударное освоение так называемой целины — нетронутых степей Казахстана и Западной Сибири¹⁰³. Казахские партийные руководители, с которыми консультировался Хрущев, были против этой идеи, опасаясь, что исконно казахские земли перейдут в руки русских и украинских крестьян, — однако в 1953 году они еще не смели возражать открыто. Вместо этого они попытались принизить ценность

потенциальных полей. «Казахстан — область скотоводческая, а не земледельческая. Не стоит развивать целину», — заявил первый секретарь ЦК КПК Жумабай Шаяхметов. «Но неужели мы не сможем распахать хотя пятьдесят тысяч гектаров? — спрашивал Хрущев своего помощника Андрея Шевченко. — Родные мне писали, что и сто тысяч сможем»¹⁰⁴.

Своим родственникам, проживавшим в Северном Казахстане, Хрущев доверял больше, чем лидеру казахской компартии, в выступлении которого он усмотрел «вирус национализма». Поэтому Шаяхметова вскоре заменил украинец Пантелеймон Пономаренко, а его первого заместителя — Леонид Брежнев, а Андрей Шевченко отправился изучать обстановку в Казахстан и Западную Сибирь. Два месяца спустя, когда Шевченко вернулся, Хрущев лежал в постели с высокой температурой. Нина Петровна предупредила Шевченко, что Хрущева «нельзя волновать» — однако тот настоял на том, чтобы его выслушать, затем приказал составить документ с предложениями, подписал его и почти без изменений направил в Президиум.

В записке обещалось быстрое достижение значительных результатов (не меньше 13 миллионов гектаров распаханной земли за два года, 2,3 миллиона в одном 1954 году)¹⁰⁵ вполне «идеологически выдержанными» мерами. Вместо подкупа крестьян «индивидуальными материальными благами» можно было сыграть на энтузиазме и любви к приключениям, свойственным молодежи. Советская система умела мобилизовать большое число людей и техники; Хрущеву нравилось думать, что у него в этом особый талант. Кампания по освоению целины предоставляла Хрущеву возможность сыграть любимую роль: объявить об опасности, призвать отважных коммунистов и комсомольцев на борьбу с ней, вдохновить их на бескорыстные подвиги ради общего блага и, в конце концов, торжественно отпраздновать победу.

Весной — летом 1954 года специальными поездками отправились на восток триста тысяч хрущевских «добровольцев», по большей части — горожане, неподготовленные к суровым походным условиям и не менее суровому сибирскому климату. Пока добровольцы воздвигали палаточные городки, Хрущев организовывал подвоз десятков тысяч тракторов и комбайнов. Старые, нецелинные пахотные земли, лишенные необходимой сельскохозяйственной техники, приходили в еще большее запустение, что повышало ставки в игре Хрущева¹⁰⁶. Он рисковал не в одиночку: большинство коллег поддерживали его даже после того, как он объявил об удвоении объема земель, которые предстояло окульту-

ритель. Через несколько лет кампания по освоению целины обернулась экономической и экологической катастрофой — но зато позволила Хрущеву проявить лидерские качества, которых так недоставало Маленкову.

Хрущев «открыл» Кремль не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова. При Сталине древний архитектурный комплекс был закрыт для всех, кроме высшего эшелона партийной элиты. С 1920-х годов в Кремле жили высшие партийные лидеры — Молотов, Каганович, Микоян и Ворошилов. За несколько месяцев до смерти Сталина Сергей Хрущев вместе с несколькими школьными товарищами, пройдя долгий утомительный досмотр, сумел побывать за кремлевскими стенами. А уже в 1954 году по предложению Хрущева в Кремле впервые было проведено детское новогоднее представление, и затем его ворота распахнулись для посетителей. Ворошилов жаловался, что теперь спокойно погулять возле дома не может; не таков был Хрущев — он любил гулять по Кремлю среди туристов, которые обычно его не узнавали, ибо им и в голову не приходило, что руководитель страны станет ходить среди простых людей без охраны¹⁰⁷.

Открытие Кремля имело большой общественный резонанс. Весной 1954 года несколько комиссий Верховного Суда СССР, состоявших из молодых чиновников военной прокуратуры, начали пересмотр судебных процессов сталинской эпохи. В апреле 1954-го были реабилитированы Кузнецов, Вознесенский и другие фигуранты «ленинградского дела», а вскоре и посмертно восстановлены в партии. В начале мая Хрущев отправился в Ленинград на встречу с местными партработниками. Он винил во всем органы КГБ и не называл имени Маленкова — но лишь потому, что этого и не требовалось; к тому моменту протееже Маленкова Василий Андрианов, ставший первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии в 1949-м, был уже уволен. Суд и казнь бывшего главы МГБ Абакумова, состоявшиеся в Ленинграде в декабре 1954-го, увеличили опасность, нависшую над Маленковым. В результате, по словам одного из российских историков, Хрущев окружил Маленкова «свинцовыми стенами, парализующими волю», лишив его способности не только бороться, но даже и выполнять свои непосредственные обязанности¹⁰⁸.

Для коммунистов, хоть немного способных к предвидению, тенденция была очевидна. К концу 1953 года ни одно мало-мальски важное решение не принималось без одобре-

ния Хрущева. До февраля 1954-го на торжественных собраниях Президиума в Большом Кремлевском дворце председательствовал Маленков, в дальнейшем — Хрущев. 26 апреля 1954 года не глава правительства, а руководитель партии утверждал бюджет для Верховного Совета. С начала июня фамилия Маленкова исчезла из верхней строчки официальных бюллетеней: теперь список членов Президиума публиковался в алфавитном порядке. В ноябре канцелярия Президиума, возглавляемая многолетним помощником Маленкова Сухановым, была заменена общим отделом, который контролировал Хрущев. В результате в его руках оказался весь ЦК. В довершение этого в марте 1954 года ставленник Хрущева Иван Серов занял пост главы КГБ¹⁰⁹.

Той же осенью Хрущев — один, без Маленкова — возглавил делегацию, посетившую Китай в честь празднования пятой годовщины образования Китайской Народной Республики. Он вел и партийные, и государственные переговоры с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. По дороге домой Хрущев встречался с местным партийным руководством Дальнего Востока и Сибири. Все это еще сильнее укрепило его позиции; но характерно и то, что он не опасался надолго покидать Москву.

Личные отношения Хрущева и Маленкова, естественно, крайне ухудшились. Прежде они вели себя друг с другом как равные; теперь Хрущев принялся «наставлять» Маленкова тоном, от которого даже Нине Петровне и Сергею Хрущеву становилось неловко. Поначалу Маленков с этим мирился, но скоро начал проявлять недовольство. Хрущев даже жаловался домашним на Маленкова, упрекая его за безынициативность — однако, по проникательному замечанию Сергея Хрущева, «если бы Маленков начал проявлять инициативу, отцу это не понравилось бы еще сильнее». Во время отдыха в Крыму в 1954 году двое лидеров ожесточенно схлестнулись по вопросу строительства в Крыму сети санаториев. В ответ на замечание Маленкова, что стране это не по карману, Хрущев взорвался. Его помощник Андрей Шевченко вспоминает: «Спор был жаркий, дошло даже до очень резких выражений. Скажем так: оба поминали друг друга по матушке»¹¹⁰.

Открытый разрыв произошел в начале 1955 года: сперва — в конце января, на пленуме ЦК, а затем — в феврале, на сессии Верховного Совета, где Маленков из председателя Совета министров превратился в министра электрификации. На пленуме Хрущев обвинил Маленкова в том, что тот был «правой рукой» Берии. «Лаврентий и Георгий, Георгий

и Лаврентий, — насмешливо поддакнул Молотов, — они всегда были неразлучны, пили вместе, ездили в одной машине, отдыхали друг у друга на дачах». Суровая резолюция возложила на Маленкова «моральную ответственность» как за «ленинградское дело», так и за другие дела, «сфабрикованные Берией и Абакумовым». Когда Сталин умирал, говорилось в резолюции далее, Маленков «облегчил Берии путь к власти».

За свое короткое единоличное правление Маленков успел дважды проявить себя еретиком. Заявленное им внимание к легкой промышленности (в том числе к производству потребительских товаров) за счет тяжелой, объявил теперь Хрущев, «было вызвано стремлением завоевать дешевую популярность. Это была речь оппортуниста, а не руководителя». «Зачем он вступил в партию, — вопрошал Молотов, — если даже не понимает, чем коммунистический курс отличается от капиталистического?» При «теоретически и политически неверных» формулировках Маленкова, говорилось в резолюции, неудивительно, что некоторые «лжеэкономисты» начали в полный голос высказывать «открыто антимарксистские, антиленинские, правооппортунистические взгляды по ключевым вопросам советской экономики».

Предупреждение Маленкова о том, что ядерная война может уничтожить цивилизацию, «поразило товарищей», заявил Хрущев. «Черт знает что за чушь», — добавил Молотов. Более столетия назад Маркс предсказал неизбежную гибель капитализма; а значит, у того, кто видит в ядерном оружии угрозу цивилизации, «на плечах не голова, а противоположная часть тела».

Хрущев обвинил Маленкова и в том, что тот поддерживал бериевский план продажи Восточной Германии. Каганович заявил, что Маленков отстаивает «капитализм, социал-демократию, меньшевизм» и «политическую трусость», и процитировал высказывание о нем Сталина: «Человек может быть физически храбр, но как политик труслив»¹¹¹.

При Сталине такие обвинения неизбежно привели бы к аресту и ликвидации. Однако времена изменились, и теперь Маленкову разрешили даже остаться в Президиуме, где он лелеял свои обиды и обдумывал планы мести¹¹². Одной из причин сдержанности Хрущева было то, что и сам он был близок к Берии и разделял многие идеи, в пропаганде которых теперь обвинили Маленкова. Другой — то, что следующими целями Хрущева были Молотов и Каганович, и в борьбе с ними Маленков мог еще пригодиться¹¹³.

Некоторое время союзу Хрущева и Молотова, казалось, ничто не угрожало. Хрущев продолжал питать к старейшему соратнику Сталина большое уважение. Сразу после смерти Сталина он отстранился от всех внешнеполитических вопросов, предоставив Молотову заниматься ими по своему усмотрению: пока дело не касалось внешней политики, эти двое вполне способны были мирно работать вместе¹¹⁴. Когда Маленкова сместили с поста главы правительства, именно Молотов предложил, чтобы его место занял Хрущев¹¹⁵. Однако еще до того Молотов и Хрущев начали спорить друг с другом как по внутренним, так и по внешним вопросам, и скоро отношения их заметно ухудшились.

«Нет ни единого серьезного вопроса, по которому Молотов не выдвигал бы возражений, — говорил Хрущев на пленуме в июле 1955 года, где их разногласия впервые стали явными. — Почему? Мне кажется, виной тому его полная оторванность от жизни»¹¹⁶. Молотов возражал, когда Хрущев предложил распахать тринадцать миллионов гектаров целины, возражал, когда Хрущев добавил к ним еще два миллиона, и протестовал еще жарче, когда общее число целинных пашен дошло до двадцати восьми — тридцати миллионов гектаров. План Хрущева был не просто «не обдуман», доказывал Молотов, — «это была нелепость. В таком масштабе — авантюра»¹¹⁷. Молотов предлагал вкладывать деньги в развитие уже разработанных земель; однако это, вспоминал Хрущев, требовало «вложения больших денег, увеличения выпуска минеральных удобрений и прочих материальных средств»¹¹⁸. В аргументах обеих сторон была своя правда, хотя Хрущев полагал, что «здесь все ясно и без доказательств». На случай, если у кого остались сомнения, Хрущев заявил на пленуме: предыдущая речь Молотова, мол, явно показала, что «о сельском хозяйстве он практически ничего не знает». За все годы, что он прожил у себя на даче, добавил Хрущев, он «в соседний колхоз ни разу и не заглянул» — в отличие от самого Хрущева¹¹⁹. Сам же Молотов впоследствии говорил, что Хрущев, увлекшись идеей освоения целины, «нашел путь и несется, как саврас без узды!.. Хрущев мне напоминал прасола. Прасола мелкого типа. Человек малокультурный, безусловно. Прасол. Человек, который продает скот»¹²⁰.

Еще одним яблоком раздора стало жилищное строительство. Архитектурные вкусы Сталина вызвали к жизни появление «сталинских высоток» — громоздких, пышных, перегруженных украшениями небоскребов. «Мы выиграли войну, мир смотрит на нас как на победителей, — вспоми-

нал Хрущев слова Сталина. — Что же будет, если (иностран- ные гости. — У. Т.), приехав в Москву, не увидят ни одного небоскреба? Будут нелестные для нас сравнения с капитали- стическими городами». Хрущев же предпочитал массовое строительство дешевых многоквартирных домов — в пять этажей (чтобы не тратиться на лифты). Когда Молотов на заседании Президиума заговорил о недовольстве народа жи- лищными условиями, «я, — вспоминает Хрущев, — смотрел на него тогда, как на новорожденного. Он что же — только теперь узнал, что нет жилья и что люди живут в домах-кло- повниках?»¹²¹.

Кроме того, Хрущев начал вмешиваться в советскую дип- ломатию, особенно в вопросы отношений с другими комму- нистическими странами как на государственном, так и на партийном уровне. В 1954 году он посетил Варшаву и Пра- гу. Но самым серьезным ударом для Молотова стало пред- ложение Хрущева примириться с югославским лидером Ти- то. Это предложение Хрущев выдвинул с целью исправить «ошибку» Сталина, но также и для того, чтобы насолить Молотову и подорвать его положение.

В 1948 году, когда Тито (по иронии судьбы, больший ста- линист, чем сам Сталин) был с позором изгнан из социали- стического содружества, одним из архитекторов конфликта стал Молотов. После смерти Сталина он одобрил возобно- вление дипломатических связей с Югославией — но не более того. Югославия, настаивал он, «не социалистическая стра- на». Восстановление отношений с Тито поощрит «ревизио- низм» в других восточноевропейских странах; чтобы восточ- ный блок не распался, СССР необходимо не умасливать Тито, а демонстрировать силу. Благодаря неустанному по- вторению, эти сталинистские формулы въелись в мозг и са- мому Хрущеву. «Мы тогда настолько оторвались от реально- сти, что сами стали верить в эти глупости»¹²².

Ах, если бы Хрущев умел так же трезво относиться к дру- гим мифам, которые пропагандировал сам!

В феврале 1954 года Президиум указал Министерству иностранных дел на необходимость улучшения отношений с Югославией. Однако Молотов продолжал говорить о ней как о фашистском государстве. Хрущев предложил образо- вать комиссию, которая решит, к какому же типу относится общественная система Югославии; в конце концов комис- сия объявила, что там имеет место социализм. Это открыло путь к прямым переговорам с Тито. Молотов потребовал, чтобы югославская делегация приехала в Москву; Хрущев возразил, заметив, что «это будет выглядеть так, что Юго-

славия пришла к нам с поклоном» — и его коллеги согласились в конце мая 1955 года отправить в Белград советскую делегацию с ним самим во главе. Молотов в числе делегатов не значился¹²³.

Этот визит действительно помог двум государствам сблизиться¹²⁴; однако Молотов остался недоволен. Его сопротивление дало Хрущеву долго ожидаемый шанс, и в июле 1955 года на пленуме ЦК он повел на своего коллегу открытую атаку. Поначалу его реплики звучали сдержанно. Однако, когда Молотов заявил, что Хрущев «говорит все, что в голову взбредет», тот выпалил признание, которое Москва отказывалась официально подтвердить и тридцать лет спустя. Поясняя, как внешняя политика Молотова настраивала весь мир против СССР, Хрущев указал на Корею. «Это мы начали корейскую войну, — заявил он. — Об этом всем известно». — «Всем, кроме нашего народа», — резонно возразил Микоян. Эта перепалка была вычеркнута даже из секретной распечатки стенограммы пленума¹²⁵.

А началось все с замечания Молотова, что Президиум решал югославские вопросы в его отсутствие. Хрущев: «Мы вам сказали, когда вы еще были здесь». Молотов: «Я говорю правду». Хрущев: «Правду говорим мы». Вопрос о том, отклоняется ли Молотов от генеральной линии партии, повлек за собой такой обмен репликами. Хрущев: «Вы были против». Молотов: «Нет. Я выражал свое мнение». Хрущев: «Но вы с нами не соглашались». Молотов: «Я выражал свою точку зрения». Хрущев: «Ясно. Все идет не в ногу, один Молотов в ногу».

Прочие члены Президиума, не исключая и Маленкова, присоединились к Хрущеву¹²⁶. Каганович, еще в сталинские времена известный беспримерной льстивостью и угодничеством, теперь стелился перед Хрущевым: «Товарищ Хрущев выполняет свои обязанности... неустанно, энергично, активно и изобретательно, как подобает большевику-ленинцу и первому секретарю ЦК партии»¹²⁷. Молотов отчаянно защищался и сдался лишь под конец: «Полагаю, что Президиум правильно указал на ошибочность моей позиции по югославскому вопросу... Буду честно и активно работать над исправлением своей ошибки»¹²⁸. Это вызвало очередной выпад Хрущева: «Тридцать четыре года он сидит в Президиуме и из них десять лет несет чепуху!» Если Молотов и дальше собирается работать в том же духе, — продолжал Хрущев, невольно предсказывая собственную судьбу, — «почему бы вам не уйти на пенсию? Мы вам положим хорошую пенсию, будем относиться к вам с уважением — только не вмешивай-

тес в нашу работу!» Верно, продолжал он, «самые горячие споры в Президиуме» всегда происходили между ним и Молотовым — однако «я не давал ему повода критиковать меня». Молотов всегда «нападал первым», поскольку привык «задавать тон в Президиуме, а я ему в этом не потакал».

Заключительная речь Хрущева звучит еще задиристее. Молотов хотел подарить Восточной Германии то ли двадцать, то ли двадцать пять автобусов советского производства — «не из серьезных партийных соображений», возмущался Хрущев, а просто чтобы произвести впечатление на восточных немцев. Жена Молотова, как говорят, принимала у себя в доме посла США Чарльза Болена и его жену. «Просто скандал! — негодовал Хрущев. — Мы, члены Президиума, с иностранными корреспондентами не разговариваем без разрешения Президиума — а жена министра открывает частную дипломатическую лавочку и принимает у себя любого, на кого ей захочется взглянуть. Вы — министр иностранных дел, но ваша жена у вас в министерстве не работает!.. Должен сказать вам откровенно, Вячеслав Михайлович, ваша жена вас компрометирует». Взять хотя бы то, что она ездила вместе с Молотовым в Берлин и в Женеву!.. Пройдет несколько лет, и сам Хрущев начнет брать с собой в поездки Нину Петровну и детей — это ему тоже припомнят в октябре шестьдесят четвертого¹²⁹.

По окончании пленума Молотов остался и министром иностранных дел, и членом Президиума. На XX съезде, назначенном на следующую зиму, партия должна была продемонстрировать свое единство, и значит, для чисток время было неподходящее¹³⁰. Под конец своей речи Хрущев снизошел до любезности: «Я приложу все усилия для плодотворной и дружеской работы с товарищем Молотовым, чтобы его знания и опыт по-прежнему помогали укреплять мощь нашей партии»¹³¹. Видимость мира была сохранена; однако Молотов, как и Маленков, не простил Хрущева и затаил обиду, дожидаясь лишь подходящего случая для ответной атаки.